

— Кто ты? Кто ты такой! Что ты мне дал? — Ли Чжэн весь покраснел, издавая вопли, и цвет его кожи продолжал темнеть, словно его жарили на огне.

— Кто я — не важно. Важно, когда ты наконец признаешься, — Хуа Байсу с интересом наблюдал за реакцией на коже Ли Чжэна и добавил:

— Если ты действительно не хочешь признаваться, ничего страшного. Честно говоря, я никогда не видел, что происходит с человеком, отравленным этим ядом.

Услышав это, даже Хэлянь Чуньфэн заинтересовался:

— Ты раньше не пробовал это на людях?

— Этот яд был создан недавно, и за это время я не встречал никого, кто бы разозлил меня так, чтобы я захотел его использовать. — Хуа Байсу любил изучать различные яды, но редко использовал их на практике, особенно такие, которые могли бы заставить человека страдать. Если только это не был какой-нибудь отъявленный злодей, он не стал бы применять его.

Несмотря на его слова, стоящие позади генералы инстинктивно отступили, стараясь держаться подальше от его сумки, в которой могли находиться яды.

Крики Ли Чжэна не прекращались, крупные капли пота катились по его коже, которая уже стала темно-красной. Он извивался, пытаясь освободиться, но, кроме криков, не мог произнести ни слова.

И непрекращающиеся хриплые крики, и слегка жутковатая картина перед глазами заставляли всех в водной тюрьме содрогаться.

Однако Хуа Байсу казался весьма довольным. Наблюдая за Ли Чжэном, он сказал:

— Второй принц, знаешь ли, что боль — это не самое труднопереносимое ощущение в мире. Говорят, что шпионы проходят специальную подготовку, и их терпимость к боли гораздо выше, чем у обычных людей.

— Слышал об этом. В дворце Цанчуань также проводят подобные тренировки для личной охраны.

Хуа Байсу улыбнулся:

— Верно. Но зуд — это другое дело. Это ощущение сложно преодолеть с помощью тренировок, и по мере того, как кожа краснеет и набухает, она становится все более чувствительной, а зуд — все сильнее. Сейчас для генерала Ли это, вероятно, похоже на то, как будто по нему ползают десятки тысяч муравьев, и это ощущение распространяется даже внутрь тела.

Хэлянь Чуньфэн кивнул. Он знал Ли Чжэна достаточно хорошо. Тот в двенадцать лет поступил в армию, прошел через множество сражений, получил бесчисленное количество ранений, но никогда не жаловался. Только пытка зудом могла заставить его так страдать.

Подумав, он спросил:

— Как ты вообще пришел к идее создать такой яд?

Судя по всему, этот яд не обязательно может нанести вред, но для допросов он подходит идеально.

— На самом деле, это лекарство, которое создала моя мать. Она делала его, чтобы наказывать моего отца, когда он ее злил. Сам по себе препарат не причиняет вреда организму, но вызывает зуд кожи. Позже мне стало интересно, и я попробовал изменить несколько трав, превратив его в яд. — Хуа Байсу достал из сумки еще один флакон, с выражением готовности на лице. — Если он выдержит еще одну палочку благовоний, давай попробуем этот яд. Его действие должно быть сильнее, чем у предыдущего.

Едва он закончил говорить, как Ли Чжэн тут же закричал:

— Я признаюсь, признаюсь! А-а-а, быстрее, а-а-а, дайте мне противоядие!

— Генерал Ли, ты ведь настоящий боец, неужели не хочешь продержаться еще немного? Если ты признаешься сейчас, второй принц проиграет пари. — Хуа Байсу, казалось, был немного разочарован. — Тогда давай так: я сначала дам тебе половину противоядия. Если окажется, что ты говоришь не всю правду или лжешь, я смогу попробовать другой яд.

Ли Чжэн был настолько напуган, что дрожал и клялся:

— Нет, нет, я скажу все, все.

Только тогда Хуа Байсу достал противоядие и велел Кан Фэну:

— Возьми ведро воды, добавь туда немного противоядия, перемешай и вылей на генерала Ли.

Кан Фэн был действительно напуган Хуа Байсу и, не дожидаясь разрешения Хэлянь Чуньфэна, взял противоядие и тут же ушел.

###

Видимо, Ли Чжэн действительно не хотел пробовать другой яд, и после этого он отвечал на все вопросы. Будь то сообщники в армии Цанчуань или связные в армии Жаньин, он рассказал все до мельчайших подробностей.

Когда он поставил отпечаток пальца на готовом признании, Хэлянь Чуньфэн повернулся к остальным генералам и холодно спросил:

— Что вы еще хотите сказать?

При наличии неопровержимых доказательств те, естественно, больше не осмеливались говорить. Несколько человек, которые ранее заступались за Ли Чжэна, уже стояли на коленях, дрожа от страха, и в конце хором воскликнули:

— Второй принц мудр!

— Цанчуань сейчас страдает от внутренних и внешних проблем. Наши солдаты думают не о том, как защитить страну и успокоить народ, а о том, как бороться за власть и извлекать выгоду. Если все чиновники в правительстве будут заниматься интригами, народ Цанчуань не сможет жить в мире. Какая польза от моей мудрости? — Хэлянь Чуньфэн, скрестив руки за спиной, смотрел на стоящих на коленях людей и твердо произнес:

— Сегодня я привел вас в водную тюрьму не для того, чтобы наказать кого-то из вас. Я хочу, чтобы вы поняли: вы должны служить не моему старшему брату, не мне и не моему младшему брату, а правительству и миллионам жителей Цанчуань!

Все были потрясены его словами, и только Ху Хунфэн первым пришел в себя, сложив руки в знак уважения:

— Слова второго принца верны, мы обязательно запомним их.

Остальные также закивали, и только тогда Хэлянь Чуньфэн позволил им подняться:

— То, что вы видели и слышали сегодня в водной тюрьме, никто не должен разглашать. Понятно?

— Да!

Хэлянь Чуньфэн в последний раз взглянул на Ли Чжэна и покинул водную тюрьму вместе с остальными.

Когда все генералы ушли, и даже Кан Фэн был отправлен, Хуа Байсу наконец заговорил:

— Я думал, второй принц потратил столько усилий на то, чтобы завоевать авторитет среди генералов, чтобы они последовали за тобой.

Хэлянь Чуньфэн посмотрел вдаль, где шли тренировки на плацу, и только через некоторое время ответил:

— Я хочу, чтобы они следовали за мной, чтобы они отдавали свои жизни за меня, но это не противоречит их службе правительству. Если они не могут служить правительству, а выбирают меня только ради личной выгоды, то в будущем они могут предать меня ради еще большей выгоды.

Хэлянь Чуньфэн понял это, только пройдя через множество испытаний в прошлой жизни. То, как ты привлекаешь людей, напрямую связано с тем, каких людей ты привлекаешь.

Если ты соблазняешь их богатством и красотой, ты получишь жадных и похотливых. Если ты соблазняешь их властью, ты получишь тех, кто стремится к быстрому успеху. Только сначала создав образ бескорыстного человека, ты можешь заставить честных и преданных людей добровольно следовать за тобой.

— Я удивлен, — спустя долгое молчание вдруг сказал Хуа Байсу.

Хэлянь Чуньфэн поднял бровь:

— Удивлен чем?

— Ты оказался более стратегичным и дальновидным, чем я ожидал.

Хуа Байсу ранее слышал от своего младшего брата Син Чэньсю о делах принцев Цанчуань. Говорили, что старший принц Хэлянь Чуньи склонен к литературе и искусен в стратегии, а второй принц Хэлянь Чуньфэн склонен к военному делу и обладает смелостью.

Хэлянь Чуньфэн был сыном императрицы, и его семья имела значительное влияние при дворе. Хотя нынешний император больше любил мать Хэлянь Чуньи, Гуйфэй Шао, но, опасаясь семьи императрицы, он также благоволил Хэлянь Чуньфэну. Хэлянь Чуньфэн рос в благополучии, и редко что-то требовало от него усилий.

Хуа Байсу думал, что Хэлянь Чуньфэн, выросший в таких условиях, будет несколько

высокомерным и неопытным, но реальность оказалась совсем иной.

Кроме момента, когда его прижали к земле и в его глазах мелькнула ненависть и обида, все, что Хэлянь Чуньфэн демонстрировал после этого, говорило о его спокойствии и мудрости.

Услышав его слова, Хэлянь Чуньфэн не выглядел довольным, а серьезно спросил:

— Как ты думаешь, кто лучше: я при нашей первой встрече или я сейчас?

— Мы знакомы всего несколько дней, что тут сравнивать. — Хуа Байсу усмехнулся.

— Просто мне кажется, что после некоторых событий я перестал быть прежним.

Хуа Байсу подумал, что Хэлянь Чуньфэн говорит о том, как его отравил Хэлянь Чуньни, и сказал:

— Люди всегда движутся вперед. Кто может гарантировать, что останется прежним? Но как бы ты ни изменился, что-то всегда остается неизменным.

— Правда?.. — Хэлянь Чуньфэн слегка улыбнулся и вскоре указал на палатку неподалеку:

— Ты можешь идти. Обед я позже отправлю в твою палатку.

— Хорошо, спасибо, второй принц.

<http://bllate.org/book/16924/1558360>